

Литературная история

Людмила
ТатьяничеваСлева направо: писатели Мариетта Алигер,
Людмила Татьяничева, Марк ГроссманЛюдмила Татьяничева
с читателями

Дочь Урала

Павел Бажов называл Татьяничеву Хозяйкой Магнит-горы

Знаменитый писатель, журналист, общественный деятель и просто красивая женщина – такой запомнили Людмилу Татьяничеву современники.

Будущая поэтесса родилась в Мордовии, в небольшом городке Ардагов. Отец Константин Андреевич, выпускник Казанского медицинского университета, служил начальником милиции в Ардагове, погиб в 1918 году, когда Люсе было три года. Мать Агриппина Степановна, сельская учительница, умерла, когда девочке исполнилось десять лет. Круглую сироту взяли на воспитание дальние родственники по линии отца, жившие в Свердловске. Так она оказалась на Урале.

Приёмный отец Константин Рафаилович был преподавателем физики на рабфаке. Он брал Людмилу с собой в летние путешествия по Уралу, учил понимать природу. Мария Александровна – приёмная мать – преподавала русский язык и литературу и всячески поощряла увлечение дочери поэзией. Людмила ходила в одну школу с Алёшей Бажовым, сыном автора знаменитых уральских сказов, там же состоялось первое знакомство с Павлом Петровичем Бажовым. Окончив семь классов, Люся пошла

работать на вагоностроительный завод учеником токаря, а позже поступила на рабфак.

– Возможно, я могла бы стать неплохим инженером, – вспоминала Татьяничева. – Но иная страсть, иные стремления заставили бросить на полпути учёбу в Свердловском институте цветных металлов и уехать на знаменитую стройку у горы Магнитной.

На Магнитострой девятнадцатилетняя Людмила Татьяничева попала в мае 1934 года. Начальник отдела кадров, несмотря на возражения, направил её не на стройку, а в редакцию газеты «Магнитогорский рабочий», где очень не хватало грамотных журналистов. Татьяничеву зачислили в отдел культуры и быта, где она проработала десять лет.

Первое время начинающую журналистку приютила у себя, в знаменитом 112-м «писательском» бараке, семья Михаила Люгарина: с жильём на Магнитострое было туго, и Татьяничевой не предоставили даже койко-места. В крошечной комнате жили пять человек, спать Людмиле приходилось на полу, постелив газеты.

– Длинный сквозной коридор, комнатухи с железными койками и топчанами и общий титансамовар в угловой камерке, – вспоминал Люгарин. – Одним лишь вы-

делялось наше жилище: тут дольше, чем в других, не гасли огни. Люди писали стихи, рассказы, очерки о том, что происходило вокруг, что творили сами.

Позже Татьяничева написала: «Там чуть не каждый мой сосед / Был журналист или поэт».

В редакции «Магнитогорского рабочего» она познакомилась с Александром Лозневым и Марией Верниковской. Последняя впоследствии вспоминала, что Татьяничеву отличали стать, достоинство и неспешность. Не случайно уральский писатель Павел Бажов называл её Хозяйкой Магнит-горы за гордую осанку и роскошные волосы. В числе первых Татьяничева вошла в объединение «Буксир». На первое заседание литгруппы, состоявшей преимущественно из ударников комбината, Татьяничева опоздала, но, когда вышла читать стихи, её приняли на ура. Литературным наставником, а потом и мужем начинающей поэтессы стал заведующий промышленным отделом редакции «Магнитогорского рабочего» Николай Смелянский.

«Пришла любовь. Николай Смелянский, работник газеты, литератор, стал моим мужем, – писала Татьяничева в своей автобиографии. – Удивительно: мы родились в один день – 19 декабря! Только он на десять лет старше. Это была любовь на всю жизнь».

В замужестве Татьяничева сохранила свою фамилию, как шутили близкие – литературное тавро, хотя поначалу имя Смелянского было более известно. Он был не только мужем и другом, но и коллегой. В соавторстве ими была написана книга «Улица сталевара Грязнова».

Два первых поэтических сборника Татьяничевой вышли в годы войны. О них сразу заговорили. Одни восторгались, другие обвиняли автора в «безыдейности и аполитичности». Так же, как ранее её обвиняли в «ахматовщине». Этим словом в сороковые годы прошлого века клеймили поэтизирование, воспевание личного мира женщины: семейное бытие, материнство, любовь, обиды, переживания. В то время женщина воспринималась как труженик, солдат, строитель будущего, личному счастью места и времени в этом не было. В 1946 году вышла третья книга стихов Татьяничевой – «Лирика». Смелянский в те годы был номенклатурным работником и от московских друзей узнал о волне репрессий, которая должна была коснуться деятелей кино, театра и литераторов, в том числе и его жены. Супруги на свои деньги выкупили весь пятитысячный тираж новой книги до его поступления в розничную сеть. И уничтожили, оставив лишь несколько экземпляров. Спустя десятилетия стихи из «Лирики» очень полюбили читатели не только СССР, но и многих стран мира.

Творческое наследие Татьяничевой – 75 книг. Лёгкая на подъём, она всегда была в гуще событий, много ездила по стране, в том числе в районы, освобождённые от фашистов. За год – не меньше восемнадцати командировок.

У поэтессы много наград: ордена Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», Государственная премия РСФСР имени Максима Горького. Но больше всего она гордилась медалью «За трудовое отличие», полученной в

1944 году. Слишком много воспоминаний с ней было связано.

В войну, когда на комбинате шли боевые плавки, всё электричество в городе выключали. Но в доме на Пионерской, где жили журналисты, по ночам светились окна – они тоже работали ради Победы. Квартиру Татьяничевой и Смелянского «уплотнили» беженцами из блокадного Ленинграда, с которыми магнитогорцы делились не только кровом, но и едой. Даже в детском саду каждое утро начиналось с фронтовой сводки – детей усаживали на стульчики, и они слушали радио, а потом отмечали на карте передвижение войск. Одной из семейных традиций были литературные посиделки. Нередко «на огонёк» заходили известные писатели и журналисты, так что со временем в домашней библиотеке собралось две с половиной тысячи книг с дарственными надписями. Частыми гостями были учителя, врачи эвакогоспиталей, эвакуированные артисты.

После Магнитки был Челябинск, где Людмила Татьяничева много лет возглавляла областное издательство, а потом работала ответственным секретарём Челябинской писательской организации. Потом – Москва, где её избрали секретарём правления Союза писателей РСФСР, членом правления.

В Магнитке, Челябинске и Ардагове есть улицы Татьяничевой. А в год 80-летия именем «лирической поэтессы Людмилы Татьяничевой» назвали малую планету № 3512, открытую в 1976 году И. С. Черных.

Елена Брызгалина

Поэзия

Людмила Татьяничева

«Этот край мне будет сниться...»

***

Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.
Как девочки,
Сосны босые
Сбегают с подоблачных скал.
В дугах,
На ковровых просторах,
Среди плодоносных полей
Лежат голубые озёра
Осколками древних морей.
Богаче, чем краски рассвета,
Светлее, чем звёздный узор,
Земные огни самоцветов
В торжественном сумраке гор.
Я сердцем всё это вбирала,
Свой край полюбив навсегда.
Но главная сила Урала –
В чудесном искусстве труда.
Люблю я огонь созиданья
В суровой его красоте,
Мартенов и домен дыханье
И ветер больших скоростей.
Мне дороги лица простые
И руки, что плавят металл.
...Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.

Козы шли к водопою

Что творится со мною,
Что со мною творится!

Козы шли к водопою –
Растеряли копытца.
А еловые шишки
Превратились в тюльпаны.
Тургояк и Инышко
Разрослись в океаны.
По тайге без дорожек
Я иду, как по саду.
Всё на сказку похоже,
Всё похоже на правду.
Сердце будто хмельное.
Мне ночами не спится...
Козы шли к водопою –
Растеряли копытца.

Гордые

Гордым – легче.
Гордые – не плачут.
Ни от ран,
Ни от душевной боли.
На чужих дорогах не маячат.
О любви, как нищие, не молят.
Широко раскрылены их плечи,
Не гнетёт их зависти короста...
Это правда –
Гордым в жизни легче,
Только гордым сделаться
Непросто.

***

Пылающих туч гряда,
Похожих на корабли.

Это горят города
Чьей-то большой любви.
Грома сухой раскат
Бьёт,
Как электроток.
Это не просто закат,
А чьей-то судьбы
Итог.

...Звонких лучей провода
Над утренним Иртышом.
В небе
Растут города
Чьей-то любви большой.
За первой зарёй вослед
Солнце шагнуло в лог.
Это

Не просто рассвет,
А чьей-то судьбы
Пролог!

Суровый танец

И на току,
И в чистом поле
В войну я слышала не раз:
– А ну-ка, бабы,
Спляшем, что ли!
И начинался сухопляс.
Без музыки.
Без восторгов звонких,
Сосредоточенны, строги,
Плясали бабы и девчонки,

По-вдовьи повязав платки.
Не павами по кругу пляли,
С ладами чуткими в ладу,
А будто дробно молотили
Цепями горе-лебеду.
Плясали, словно угрожая
Врагу:
– Хоть трижды нас убей,
Воскреснем мы и нарожаем
Отчеством богатырей!
Наперекор нелёгкой доле,
Да так, чтобы слеза из глаз,
Плясали бабы в чистом поле
Суровый танец –
Сухопляс.

Мадонна

Наперекор изменчивой молве
Художники прославили в веках
Не девушку с венком на голове,
А женщину с младенцем на руках.
Девичья красота незавершённая:
В ней нет ещё душевной глубины.
Родив дитя, рождается мадонна.
В её чертах миры отражены.

Ириски

Всё это было в самом деле.
В войну
В приволжском городке
Погиб ребёнок при обстреле
С ириской
В смуглом кулачке.
И мать,
Не только в годовщину,

Все эти тридцать
Долгих лет
Приносит на могилку сыну
Кулёчки простеньких конфет:
Отмерив путь,
Теперь неблизкий,
У вечной памяти в плену,
На чистый дёрн
Кладёт ириски
Она ребёнку своему.

Дорога

Мы с тобой, дорога, квиты!
Ты вела меня, вела
Через чёрные граниты,
Где и вьюга не мела.
Через луг осеребрённый,
Через раду-ду-гу.
Лишь у пропастей бездонной
Ты сказала:
– Не могу!
И тоскою человечей
Душу мне ты потясла.
Я взяла тебя за плечи
И над бездной пронесла.

Сыновья

Два хороших сына у меня.
Две надежды,
Два живых огня.
Мчитесь время по великой трассе.
У меня –
Две юности в запасе.
Жизнь горит во мне, неугасима.
У меня две вечности –
Два сына.